

УДК 24-183.4

А.А. Мёдова

МОДАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ СОЗНАНИЯ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ*

Статья посвящена обоснованию модальной теории сознания. Предпосылки таковой осмыслены на основе экспериментальных исследований синестезии и связанных с ними психологических трактовок смысла как амодального семантического кода.

Ключевые слова: сознание, модус, часть и целое, модальный анализ, синестезия, модальность восприятия, смысл, амодальный семантический код.

A.A. Myodova

MODAL THEORY OF CONSCIOUSNESS: PSYCHOLOGICAL FUNDAMENTALS

The article is devoted to the substantiation of the consciousness modal theory. Its preconditions are interpreted on the basis of the experimental research on the synesthesia and psychological interpretation of the sense as the a-modal semantic code connected with it.

Key words: consciousness, modus, part and whole, modal analysis, synesthesia, perception modality, sense, a-modal semantic code.

Модальная теория устройства сознания – новое для современной философии явление. Данная статья посвящена ее обоснованию, анализу предпосылок и рассмотрению примера данной теории на материале смысловой концепции сознания современного отечественного исследователя А.Ю. Агафонова.

Модальная интерпретация исходит из феномена самосоотнесенности или самообращенности сознания, в результате чего образуются его формы и проекции, то есть *модусы*. Содержание и акты сознания рассматриваются здесь как его модусы, имеющие характеристику одновременной тождественности и различности.

Ключевым понятием для понимания такого рода организации выступает *modus* – слово латинского происхождения, переводимое как вид, род, способ, характер, образ, форма, порядок, мера, предписание, правило [1, с.619; 6, с.898; 13, с. 394]. В философии на основе трактовки этого термина Спинозой [14, с.361] и Гегелем [10, с.596–597] распространено его значение как способа, образа, вида существования чего-либо. Оно указывает на важную для понимания модальности идею реализации единой сущности в разных формах и проявлениях.

Таким образом, с помощью термина «модус» мыслится единый объект в разных его измерениях исходя из онтологического тождества этих измерений; последнее проявляется в форме совпадения части и целого.

Специфика модальной организации объекта

Субстанциональное присутствие целого в своей части – древний философский мотив. А.Ф. Лосев описывает тождество этого типа как ситуацию, когда с уничтожением или устраниением части уничтожается или устраняется само целое. «Если это целое действительно присутствует в части как таковой, то субстанционально и нумерически, а не только внешне и не только видимо, то конечно оно должно погибать вместе с гибеллю этой части. Однако, где же в действительности мы находим такие вещи, которые бы характеризовались подобным отношением целого и частей? Такие вещи суть только живые организмы» [11, с.259]. Ставясь на позицию модальной интерпретации сознания, мы мыслим его органически как совершенную самотождественность, как точку совпадения различных ментальных измерений.

* Исследование выполнено при поддержке РГНФ и Красноярского краевого фонда поддержки научной и научно-технической деятельности в рамках проекта проведения научных исследований № 13-13-24003 «Теория модальности: модальный анализ сознания».

Сущность модальной организации раскрывает замечание В.И. Моисеева относительно философии всеединства. Бытие в этой системе не является фактом или феноменом, оно возникает как результат самообращения ментальной диады: «должно быть сущее как источник проекций и сущее как приемник проекций, бытие образуется как сама проекция, т.е. отношение источника на приемник» [12, с.51]. Модальная установка понимает отдельные свойства, качества, элементы как проекции, возникающие в результате отношения объекта к чему-либо или к самому себе. Модальное отношение сходно с отношением выражающего и выражаемого; его иллюстрирует отношение красоты и прекрасного произведения искусства. Шедевр – это форма бытия красоты, но в то же время красота не существует самостоятельно, вне форм своего проявления. Отношение же, образующее материализацию красоты в конкретном произведении, – это отношение сознания к материальному миру. Это отношение образует модус красоты (совпадающий с модусом смысла, поскольку красота – измерение смысла), сама же красота бытует в модусах художественных произведений. В данном случае тексты искусства являются модусами красоты в том смысле, в котором Спиноза определял материальные тела как модусы Бога: «Отдельные вещи составляют не что иное, как состояния или модусы атрибутов бога, в которых последние выражаются известным и определенным образом» [14, с. 385].

Модальный анализ

Метод модального анализа, как показывает философское наследие, приложим главным образом к двум глобальным самоотносящимся объектам: сознанию человека или к миру в целом. Модальное понимание организации сущего и человека в различных вариациях представлено в учениях адвайта-веданты, даосизма, буддизма, всеединства, онтологиях Кузанского, Спинозы, Шеллинга, Соловьева, Хайдеггера. Оно типично в целом для религиозных и экзистенциальных концепций. Элементы модальной трактовки психики и сознания имеют место у Фрейда, Юнга, Лакана, Мерло-Понти, Делеза, Гилфорда и др.

Модальный анализ сознания предполагает выявление тождества его содержаний и форм – это отличительная черта модального подхода. Пространственные представления могут быть интерпретированы как язык или логическое мышление, как это имеет место в учениях Канта, Бергсона и Мерло-Понти. Употребление слов в непрямом значении может отождествляться с механизмами защиты бессознательного, как это делали Фрейд и Лакан. Любое понимание одной формы активности сознания как другой означает трактовку этих форм как модусов, так как модусы – это измерения одного и того же начала, и под определенным углом зрения они совпадают. Это совпадение модусов сознания становится очевидным на примере первобытных и древних языков, в которых, к примеру, одним словом обозначались разум и вербальная речь, поскольку способность говорить не отличалась от разумности. На основе этого тождества обычно трактуют первую фразу Ветхого Завета «В начале было Слово» как указание на первичность высшего божественного разума. Действительно, можем ли мы помыслить то, для чего нет слова? Это так же невероятно, как представить себе несуществующий цвет.

Под модусами сознания следует понимать его основополагающие аспекты, принципиальные для работы и самоорганизации сознания. Модусами не могут быть функции или механизмы типа интенции, установки, гештальта. Модусы сознания – это фундаментальные содержания, которые можно интерпретировать формально как структуры, пустые формы, но также и качественно как источники конституирования реальности, как первичные данности. Модусы сознания – это формы его реализации или проекции на любого рода реальность. В различных учениях модальным образом трактуется психика, телесность (сознание тела), рациональность (мышление), перцепция, пространственность, темпоральность, самоидентичность, «другость» (позиция Другого), смыслопорождение, язык (символизация, нарратив), мораль, красота (эстетический модус мышления-восприятия).

Модальную установку «проводит» широко известный факт, что содержание сознания не поддается отделению от актов сознания, вследствие которых оно проявлено, т.е. доступно рефлексии. «Чистое» сознание-качество или «содержимое» сознания невозможно вычленить из его актов, интенций, функций и процессов, хотя наш разум «запограммирован» на различение сущности и явления. К примеру, такова ситуация с речью. Чем отличается говорение и способность к речи вообще? Может ли человек быть способен к языковому общению, не проявляя эту способность? Мы ничего не можем знать о речи или мышлении вне форм их проявления.

Идея модального анализа сознания состоит в том, чтобы показать: все составляющие сознания суть не функции и не элементы структуры, а одно и то же качество, наблюдаемое с разных позиций. Модальный анализ позволяет видеть объекты «стереоскопично», т.е. одновременно с разных сторон. Удачную метафору этой установки выразил В. Франкл: видя круг, а затем прямоугольник, мы воспринимаем их как разные объекты. Но если бы мы знали, что речь идет о цилиндре, мы восприняли бы их как грани одного предмета.

Синестезия как предпосылка модального подхода

Предпосылкой к модальной интерпретации сознания и одновременно примером его модальной организации является синестезия. Это феномен восприятия, состоящий в том, что впечатление, соответствующее данному раздражителю и специфичное для данного органа чувств, сопровождается другим, дополнительным ощущением или образом, при этом часто таким, которое характерно для другой модальности восприятия. К модальностям восприятия в психологии относят перцептивные измерения материальности внешнего и внутреннего миров в их проекции на определенные органы чувств: зрение, слух, осознание, вкус, обоняние (внешние модальности), боль, температура, равновесие, голод, жажда, двигательные, соматические ощущения (внутренние модальности). Синестезия показывает, что все эти перцептивные модальности по сути есть одна та же модальность.

Типичный пример синестезии или, как ее еще называют, межмодальной трансляции – «цветной слух»; распространена так же и обратная синестезия – звуковые переживания при восприятии цвета. К проявлениям синестезии относят феномен непроизвольного возникновения образов определённой модальности при стимуляции органа другой модальности, а также аномальные формы синестетических образов, которые можно искусственно моделировать с помощью галлюциногенов, в условиях сенсорной депривации, медитации, эпилепсии. Синестетическое восприятие имеет место в недифференцированном, генетически примитивном состоянии сознания (у представителей нецивилизованных племен, при некоторых видах шизофрении). К этой группе явлений относят также синестетические аналогии, продуцируемые в творческом процессе, отмеченные у Бальмонта, Блока, Рибо, Кандинского, Скрябина, Римского-Корсакова и других. По мнению основателя исследований синестезии Чарльза Огуда, именно это возникновение ощущения в одной модальности восприятия под воздействием раздражителя в другой модальности служит основой метафорических переносов и оценок, то есть тропеизма в языке, и вообще словоупотребления. Оно же делает возможным метод семантического дифференциала, то есть выяснения границ семантического пространства того или иного слова, образа, понятия [5].

Экспериментальные данные

Отечественный психолог Е.Ю. Артемьева получила показательные данные в процессе экспериментального изучения межмодальных связей, основанного на идее семантического дифференциала [8, 9]. В экспериментах испытуемым предъявлялись нарисованные абстрактные графические контуры, образованные из деформированной окружности. Этим контурам предлагалось присвоить ряд несопоставимых качеств, заявленных в оценочной шкале: характеризовать изображения как легкие или тяжелые, добрые или злые, чистые или грязные, молодые или старые, умные, тихие, активные, сладкие, смелые и т.д. Характеристики контуров, которые испытуемые должны были выбирать, никоим образом не могли быть выведены из собственных свойств визуальных объектов.

Опыт предполагал именно активизацию межмодальных связей, идущую дальше модальностей ощущения. Эксперимент выявил совпадение характеристик фигур у большей части опрашиваемых (60–80 %). Более того, эти синестетические соотнесения действуют и в «обратную сторону»: по набору характеристик, данных предшественниками. Другая группа успешно узнавала, какая именно фигура имелась в виду. Е.Ю. Артемьева выявила факт существования устойчивых внутренних проекций комплексов актуальных свойств объектов и то, что эти проекции структурно гибки, допускают межмодальные переходы.

Более того, при восприятии объектов наши модальности, как и логические способы отнесения к классам, включаются достаточно поздно. При дефиците времени восприятия психологам удавалось выявить активность некоего «амодального смысла». Этот факт выявился при помощи тахистоскопических опытов¹, в процессе которых испытуемым на сверхкороткое время предъявлялось одно цветное изображение – контур с заливкой цветом (опыт проведен Тхостовым А. в 1976 г.). После этого давались для опознания четыре изображения. Первое было похоже на предъявленное по цвету, второе – по форме, третье – отличалось по цвету и форме, но обладало сходным шкальным профилем (набором «немотивированных» характеристик, которыми наделяли его большинство испытуемых в предшествующих синестетических экспериментах). Четвертое изображение отличалось от предъявленного по всем из перечисленных признаков. Испытуемого просили указать, какое изображение предъявлялось ему в тахистоскопе. При предъявлении стимула с временем экспозиции 0,02 секунды 6 испытуемых выбрали изображение, сходное по шкальному профилю, 2 – по

¹Тахистоскоп представляет собой прибор для быстрого предъявления зрительных раздражителей (букв, слов, цифр, геометрических фигур и т. п.), позволяющий предъявлять зрительные стимулы на строго определенное, в том числе очень короткое время. Тахистоскопические исследования опираются на сложную систему отсчета времени, которая позволяет представлять материал для восприятия в течение крайне коротких промежутков (менее 1 миллисекунды).

цвету, а 2 – отказались сделать выбор. При экспозиции в 0,025 секунды все испытуемые выбирали изображение, сходное по шкальному профилю. И только при времени экспозиции большем чем 0,03 секунды испытуемые в качестве актуальных свойств опознавали форму и цвет [8].

Из описанных экспериментов следуют важнейшие выводы. Восприятие объекта проходит, очевидно, две принципиально различные стадии: «первовидение» – когда объект оценивается нерасчленено-целостно, и «второвидение» – когда он отдается на поспектный анализ классифицирующим системам типа систем сенсорных эталонов. На этом этапе ощущение идентифицируется в рамках какой-либо модальности. Следовательно, в сознании существует некая синкетическая область представлений-характеристик, семантическое поле или код, в котором свойства предметов еще не подверглись аналитическому расчленению на звуковые, цветовые, пространственные, тактильные, эстетические и т.д. Более того, это поле имеет характер неразложимой целостности: *объекты в нем не разделяются на ощущаемые и мыслимые, физические и духовные, что дало повод Джеймсу Гибсону [2] ввести термин «ощущаемый смысл».*

Именно такое домодальное поле активизируется при восприятии предметов в течение сверхкоротких промежутков времени, когда сознательные перцептивные процессы еще не успели «вступить в игру». Отсюда следует, что измерения восприятия – модусы единого начала, они предстают как различные только в определенных, хотя и наиболее распространенных ситуациях контактирования сознания с реальностью. В других ситуациях они тождественны. Как ни парадоксально, но экспериментальные данные указывают на тот факт, что ощущение сначала есть в сознании, и только затем оно «выбирает», в какую модальность воплотиться.

Гипотезу о существовании первичного межмодального допонятийного поля подтверждают данные тахистоскопических опытов Э. Марсела по распознаванию буквенного состава слов [4]. После сверхкороткого предъявления слова, распознавая его из предложенных вариантов, испытуемые парадоксальным образом выбирают слова, сходные с оригиналом не по буквенному составу или структуре, а близкие с предъявляемым по смыслу. Следовательно, смысл слов распознается раньше, чем составляющие их буквы.

Выводы из анализа синестетических восприятий

Экспериментальные данные, полученные при исследованиях межмодальной трансляции, говорят о том, что спонтанная работа сознания в первую очередь активизирует самые высокие уровни семантического синтеза, причем это происходит до того, как были осознаны составные части синтезируемого. В работе сознания целое предшествует более простым его частям; этот факт, очевидно, указывает на модальную природу сознания.

Сам язык в своей абсолютной простоте представляет собой разновидность сложной синестезии – межмодальной трансляции зрения, голосового звука, а также кинестетики артикуляции и жеста, тогда как живопись связана со сложными синестезиями, в которых участвуют кинестетические и зрительные паттерны [3]. Осознание чего-либо – это относительно быстрое развертывание последовательных фаз синтеза и отбора. Когнитивные процессы, которые являются подчиненными и удерживаются в бессознательном в одной символической системе, могут составлять действительную форму сознания в других системах.

Этот «микрогенез опыта» показывает, как нечто близко родственное эстетической позиции позволяет бессознательным процессам в норме принимать форму ясного осознания. Напрашивается вывод: обычное расчленяющее сознание, включающее процессы анализа и восприятия, в глубинном амодальном своем виде есть не что иное, как эстетическая установка. Глубинный домодальный синтез восприятия, схваченный творчески одаренной личностью и выведенный «на поверхность» в картине, стихотворении или драматической пьесе, создает сильный художественный эффект. Так, именно в силу синестетического эффекта нам кажутся красивыми названия романов Ф.С. Фитцджеральда «Ночь нежна» или Б. Виана «Пена дней».

Таким образом, одной из психофизиологических предпосылок модальной трактовки сознания можно считать явление межмодальной трансляции или синестезии, порождающее эстетические способности и непрямые формы словоупотребления. Оно дает возможность трактовать ощущения как альтернативные способы организации одного и того же амодального материала.

Пример модальной теории сознания: концепция смысла А.Ю. Агафонова

Развитием идеи амодального смысла является теория отечественного исследователя из Самары А.Ю. Агафонова, лежащая в области когнитивной психологии. Смысл интерпретируется Андреем Юрьевичем как элементарная, неразложимая целостность психики, которая должна быть отправной точкой анализа сознания. Эта позиция может показаться неожиданной, но только потому, что «единица анализа (психики) никогда не рассматривалась одновременно и как материал, из которого строится психический процесс, и как элементарная психическая форма, и как элементарная функция» [7, с.65], а она должна быть именно такой. То есть это искомое должно позволять рассматривать себя и как строительный материал психики, и как

структуру, и как функцию – выражаясь языком нашей терминологии, оно должно проявляться в модусах качества, структуры и функции. Таковой единицей является смысл.

Модальная установка А.Ю. Агафонова обусловлена именно тем, что он выбирает смысл в качестве исходной «единицы» психики. Известно, насколько сложно объяснить смысл слова «смысл». Все попытки исследования сущности смысла приводят к модальным его интерпретациям; не случайно объяснение смысла невозможно без категории «отношение». Согласно А.Ю. Агафонову, «на каждом уровне иерархической организации психики смысл выступает в различных формах своей модификации, но при этом всегда оставаясь тем «строительным материалом», из которого строятся гетерогенные психические образования» [7, с. 88]. Смысл интерпретируется здесь как ряд форм, смена которых обусловлена изменением уровня (плана, измерения) сознания.

Смысл – уникальный объект, возможно, потому, что он есть сущность сознания; сознание – это смыслопорождение. С одной стороны, смысл неделим; он есть та неразложимая целостность, которая не имеет элементов и составляющих частей, а только грани, аспекты, измерения, т.е. модусы. С другой стороны, смысл не может рассматриваться как изолированная сущность, а только в *отношении к другим смыслам*. Он самосоотносителен, так же как и сознание.

А.Ю. Агафонов пишет об *амодальности* смысла, но при этом с точки зрения философского дискурса он как раз обосновывает его модальность, если понимать модус как форму или способ бытия сущности, совпадающую с самой сущностью. То, что модусы сознания являются самим сознанием, т.е. модус совпадает с сущностью, а не является её проекцией, явлением или функцией, красноречиво иллюстрирует следующая мысль А.Ю. Агафонова: «Если же за явлениями, данными в текущем настоящем в сознании, за мыслию, представлением или любым переживанием, в широком смысле слова, включая и сенсорные эффекты, допускать существование некой инстанции, реализующей акты понимания этих явлений, некоторого субъекта, который инициирует процедуру интерпретации, то мы будем вынуждены за этой инстанцией, этим субъектом предполагать еще одну инстанцию или субъекта познания, то есть еще одно *его-сознание*, а за ним еще одно и т. д. Поэтому необходимо совершать редукцию на уровне анализа самих феноменов. А это означает, что: 1) кроме памяти за феноменом сознания ничего не стоит; 2) феномен сознания сам себя обнаруживает, сам себя понимает» [7, с. 99–100]. Смысл описывается аналогично сознанию: как бескачественный, но могущий приобретать любое качество. «Смысл, заключенный в активном познавательном контуре, не есть сам познавательный контур сознания, но вне формы своего существования (явления в сознании) он актуально не проявляется» [7].

У сознания, по А.Ю. Агафонову, есть два основных модуса – онтологический и гносеологический: в онтологическом плане сознание – это актуальный текст, который есть единство взаимосвязанных смыслов, а в гносеологическом аспекте сознание – это механизм понимания, понимания собственного текста [7, с. 114]. Заметим, что слова *план*, *аспект*, *регистр*, *измерение* составляют смысловую группу термина «модус», будучи близкими ему по значению.

Согласно А.Ю. Агафонову, структуру «текста сознания» образуют познавательные контуры: аффективный, сенсорно-перцептивный (порождает образы), контур представления, мыслительный контур (порождает операции и операнды) и рефлексивный контур. Работа рефлексивного контура строго синхронна работе активного в настоящий момент познавательного контура. Он отвечает за то, чтобы «смысл узнал себя», его основная функция – память, представляющая модус темпоральности сознания. Если одновременные психические эффекты понимания и понимания этого понимания должны происходить синхронно, но в разных познавательных контурах, то рефлексивный контур как раз и есть такое «удвоение». Как именно он позволяет смыслу себя узнать, остается неясным, однако очевидно, что у нашего знания есть два измерения – знание как информация и знание как осознание этой информации.

Познавательные контуры сознания есть модусы смыслобразования: «познавательный контур есть не более чем форма смыслопорождающей активности сознания, способ реализации сознанием процедур понимания собственных текстов» [7] (формулировка «способ реализации» является одним из определений модуса). Познавательные контуры А.Ю. Агафонова – это формы самосчитывания сознания, иными словами, формы его самоотнесенности, что подтверждает тезис о порождении модальных отношений самообращенностью объекта.

Само человеческое познание определяется Андреем Юрьевичем как модус существования сознания. «Познание не просто связывает познающего субъекта и объект познания, а является формой существования и того, и другого» [7, с. 14, 45–46]. Здесь очевидно обозначение генерального свойства модального объекта – совпадения модусов при различии качества и способов их явленности внутри разных измерений. По-

знание – способ существования и сознания, и объектов реальности «внутри» нашего сознания; иного существования, если быть последовательными, мы не можем за ними признать.

Учитывая, что в качестве первого принципа анализа психического А.Ю. Агафонов постулирует *принцип неразложимой целостности*, а исходной, элементарной, неразложимой единицей психического «материала» объявляет смысл, правомерно трактовать познавательные контуры именно как модусы, т.е. формы реализации самого сознания в его познавательной активности.

Амодальный семантический код

Теория А.Ю. Агафонова, наряду с теорией Г. Ханта, представляет собой модальный подход в психологической интерпретации сознания. Модальный анализ сознания предполагает постановку проблемы «до-модального поля». Столкновение с феноменом межмодального переноса или синтеза приводит вполне закономерно к поискам домодальной матрицы, где ощущения еще не расщеплены по формам восприятия, а представления еще не оплотнились в ощущения или мысли. Найти такую матрицу означало бы найти «чистое сознание». Но вполне вероятно, что такой домодальной матрицы не существует, это «отсутствующая структура». Есть лишь межмодальный первичный фон сознания, который и порождает проекции – формы ощущений и мышлений. Тем не менее ряд ученых (Хант, Гибсон, Агафонов) определяют его как смысл.

Таким образом, с точки зрения модальной теории сознания, подтверждаемой результатами изучения синестетической трансляции, сознание не имеет чистой сущности, оно реализовано в модусах. Суть модальных объектов в том, что модусы неотделимы от своей сущности или субстанции, поскольку это не элементы структуры, а именно проекции или измерения некоей целостности. Модальности восприятия не являются его самостоятельными автономными формами: они образуют спектр, включающий в себя и формы мышления. Феномен межмодальной трансляции и семантического дифференциала позволяет говорить о смешении или совпадении модальностей восприятия и высших интеллектуальных эмоций, что позволяет говорить о едином домодальном поле или амодальном семантическом коде.

Описанная теория модального анализа сознания имеет как эмпирические, так и теоретические подтверждения в психологии, психоанализе, философии, искусствоведении, нейрофизиологии и представляется перспективной для построения объемной модели сознания, фиксирующей единство и самоидентичность последнего.

Литература

1. Chambers Concise Dictionary / Ed. by G.W. Davidson, M.A. Seaton, J. Simpson. – Chambers-Cambridge, 1988.
2. Gibson J. The senses considered as perceptual systems. – Boston: Houghton Mifflin, 1966.
3. Hunt, Harry T. On the Nature of Consciousness. Cognitive, Phenomenological, and Transpersonal Perspectives. – Yale University Press New Haven and London, 1995.
4. Marcel A. «Phenomenal experience and functionalism» in A. Marcel and E. Bisiach (Eds.), Consciousness in contemporary society. – Oxford: Clarendon Press, 1988. – P. 121–158.
5. Osgood, Charles E. Focus on Meaning: Explorations in Semantic Space. – Mouton Publishers, 1979.
6. Wahrig G. Deutscher Wörterbuch mit einem Lexikon der deutschen Sprachlehre. – Bentelsmann Lexikon Verlag, Gütersloh-München, 1991.
7. Агафонов А.Ю. Основы смысловой теории сознания. – СПб.: Речь, 2003. – 296 с.
8. Артемьев Е.Ю. Психология субъективной семантики. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. – 128 с.
9. Артемьев Е.Ю. Основы психологии субъективной семантики / под ред. И.Б. Ханиной. – М.: Наука, Смысл, 1999. – 350 с.
10. Гегель Г.В.Ф. Наука логики: пер. с нем. – М.: Мысль, 1998. 1072 с.
11. Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. – 480 с.
12. Мусеев В.И. Логика всеединства. – М.: ПЕР СЭ, 2002. – 414 с.
13. Петрученко О. Латинско-русский словарь / Репр. изд. 1914 г. (М.). – М.: Греко-латинский кабинет им. Ю.А. Шичалина, 1994. – 810 с.
14. Спиноза Б. Избранные произведения: в 2 т. – М.: Изд-во полит. лит., 1957. – Т. 1. – 631 с.